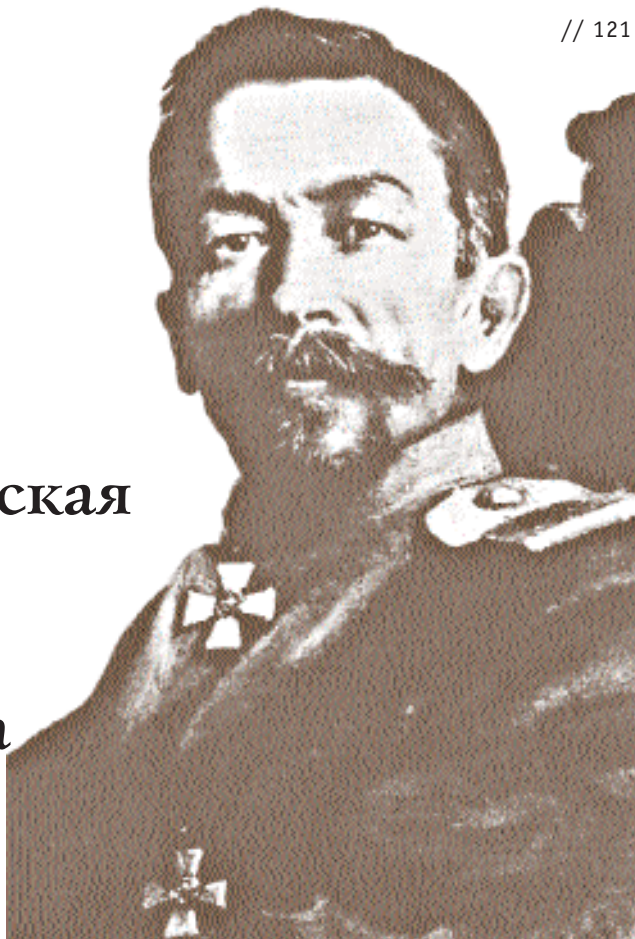

Андрей Хренков

Туркестанская молодость генерала Корнилова

«Однажды вечером, генерал Ионов, в распоряжение которого был командирован капитан Корнилов, жаловался, что никак не может получить никаких сведений о выстроенной афганцами на берегу реки Аму крепости Дейдади. Капитан Корнилов, при этом присутствовавший, на другой день просил ему дать трёхдневный отпуск и куда-то исчез. Через три дня вернулся и представил генералу Ионову 5 фотографических снимков с крепости, кроки местности и описание характера укреплений и ведущей к крепости дороги».

На приведённые выше строки о Лавре Корнилове, относящиеся ко времени его службы в Туркестане в 1898–99 годах, я натолкнулся, читая как-то воспоминания генерала Лукомского «Корниловское выступление и начало Добровольческой армии». Факт этот меня сильно заинтересовал. Ещё бы! Генерал Корнилов, хрестоматийный «антигерой» советских учебников истории, организатор вооружённого выступления против Временного правительства в 1917 г. (корниловский мятеж), несостоявшийся диктатор России, один из создателей белогвардейской Добровольческой армии, был, оказывается, в молодые годы военным разведчиком.

Весной 2004 г., работая в Государственном военно-историческом архиве, я попробовал отыскать какие-нибудь сведения об этой разведывательной операции и, что самое удивительное, почти сразу наткнулся на целое архивное дело, которое так и называлось «Поездка в Дейдади причисленного к Генеральному Штабу Капитана Корнилова». В деле оказались собственноручный отчёт Корнилова и те самые пять снимков крепости.

Андрей Вальтерович Хренков – кандидат исторических наук, ответственный секретарь журнала «Азия и Африка сегодня».

Афганский дебют

«В начале Ноября 1898 г., – пишет Корнилов, – я был командирован в ур[очище] Термез /Патта-Гиссар/ для сбора сведений об Афганистане вообще и Афганском Туркестане по преимуществу. В отношении последнего, в ряду прочих вопросов, – вопрос о крепости Дейдади был наиболее интересным и запутанным... почему единственное средство получить о ней сколько-нибудь верные сведения было одно – самому поехать и осмотреть Дейдади. На этом решении я и остановился»¹.

На первый взгляд, план Корнилова кажется весьма рискованным, если не авантюрным. Переодевшись туркменом, он предполагал добраться до крепости, находившейся за добрую сотню вёрст от границы, в глубине сопредельного государства, сделать снимки хорошо охраняемого военного объекта (и это ещё той допотопной фотографической техникой!) и составить его подробное описание. (РГВИА, ф. 1396, оп.2, д.2128, л.1).

Впрочем, учитывая личность капитана Корнилова, можно предположить, что данный план был достаточно взвешенным, просчитанным. Чтобы этот вывод не выглядел голословным, необходимо вкратце упомянуть о происхождении и предшествующей службе Лавра Георгиевича Корнилова.

Будущий организатор и первый вождь Добровольческой армии родился 18 августа (по старому стилю) 1870 г. в станице Каракалинской близ городка Усть-Каменогорска. Его отец был казаком Сибирского

казачьего войска. Выйдя в отставку, хорунжий Корнилов получил место писаря волостной управы. Матерью Лавра была простая казашка из кочевого рода. Именно благодаря ей Лавр Корнилов с детства знал казахский язык как родной.

Скромное положение отца не могло обеспечить сыну протекцию. С большим трудом после окончания приходской школы его удалось устроить в Сибирский кадетский корпус в Омске. Дальнейшей карьере Л. Г. Корнилов обязан только себе, да ещё «его величеству случаю», который сыграл немалую роль в его жизни. В кадетском корпусе Лавр Корнилов был первым учеником и заслужил право поступать в любое военное училище. Его выбором стало Михайловское артиллерийское училище в Петербурге.

После училища подпоручик Корнилов в 1892 г. получает назначение в Туркестан. Через три года, уже в звании поручика, отлично зарекомендовав себя по службе, он добивается права сдавать экзамены в Академию Генерального штаба и поступает туда. Условия учёбы были чрезвычайно жёсткие, за одну неудовлетворительную отметку следовало отчисление. Но Лавр Корнилов и в Академии был в числе первых, за что получает малую серебряную медаль и чин капитана досрочно. Его фамилию заносят на почётную доску Академии.

Следует добавить, что к 28 годам выпускник Академии Корнилов владел тремя европейскими языками, а также персидским, татарским и несколькими языками народов Средней Азии. Он постоянно со-

Крепость в Туркестане.

вершенствовался в этих знаниях, причём не только в целях самообразования. Вынужденный помогать семье, Лавр Корнилов давал частные уроки, посылая заработанные деньги родителям. Знание языков, обычаев и традиций Востока оказалось для Корнилова весьма полезным, когда он был назначен в штаб ТуркВО. В тот период продолжались трения с Афганистаном на границе, дважды случались вооружённые столкновения, и военный округ был задействован для активного сбора разведывательных данных.

О поездке Корнилова в Дейдади Лукомский в своих мемуарах пишет как о предпринятой исключительно по личной инициативе и без ведома начальства. Отчёт самого Корнилова тоже вроде бы подтверждает это. Впрочем, относительно инициативы Корнилова спора нет. Действительно, трудно представить, чтобы начальство решилось отправить офицера Генштаба лазутчиком за Амударью, подвергая его риску быть схваченным и разоблачённым афганцами. Другой вопрос – совершалась ли эта акция всё же с ведома руководства или уж совсем «по-партизански» – остаётся открытым.

Мне представляется, что Лукомский здесь несколько романтизирует образ Корнилова. Скорее всего, капитан выразил желание на свой страх и риск отправиться в расположение крепости, ссылаясь на хорошее знание местных обычаев и языков и свою вполне подходящую азиатскую внешность (скуластое лицо, несколько раскосые глаза). А после того, как негласное

добро было получено, началась уже собственно подготовка операции. И надо сказать, она была проведена очень тщательно.

Во-первых, Корнилов постарался выбрать момент, когда крепость охранялась слабее всего: по имевшимся агентурным данным («агентами» выступали туркменские торговцы, в том числе и контрабандисты, регулярно ходившие караванами из российского Туркестана в Афганистан и обратно), в первой половине января афганцами намечалась смена конных частей под Дейдади. Расчёт Корнилова делался на короткий 2–3-дневный интервал, когда прежние, под командованием Джума-хана, уже уйдут, а новые части ещё не придут.

Во-вторых, легенда. Корнилов довольно неплохо знал туркменский язык, во всяком случае, вполне достаточно, чтобы сойти за туркмена среди афганцев. А туркмены свободно жили, кочевали и торговали по обе стороны Амударьи. Кроме того, они занимались нукерами в афганскую кавалерию, образуя отдельные части иррегулярной туркменской конницы. Но в этом таилась и главная опасность для Корнилова – в случае встречи с собственно туркменами его инкогнито наверняка было бы раскрыто.

В третьих, разведка проводилась в месяц рамадан, во время мусульманского поста, когда дневная активность мусульман снижена в связи с запретом есть и пить. Для Корнилова это был важный благоприятный момент, поскольку он предполагал не только осмотреть крепость, но и сфотографировать, что можно было сделать только днём.

Возвращение из набега.

Наконец, важно было найти надёжных проводников из числа местных жителей. «Провести меня, – пишет Корнилов, – взяли два Теркмена: Мулла-Рузы, богатый торговый человек из кишлака Чушка-Гузара, и его приятель Худай-Назар, житель кишлака Шор-Тепе (на Афганском берегу Амударьи), – по ремеслу – отчаянный, смелый контрабандист».

План Корнилова заключался в том, чтобы скрытно перебраться на афганский берег в районе кишлака Шор-Тепе и, переодевшись туркменом, пройти со своими спутниками через линию афганских пограничных постов, а «миновав их, идти далее совершенно свободно и открыто, днём, держа путь на Балх и Дейдади». Возвращаться предполагалось другой дорогой: через Тахтапуль, Мазари-Шариф и Сылгырт. Для дополнительной страховки Корнилов договорился с капитаном военно-инженерной службы Кастальским, отряд которого занимался в то время гидрографическими исследованиями русла Амударьи, оказать ему содействие при обратном переправе. Люди Кастальского должны были в течение нескольких ночей наблюдать с лодок за афганским берегом между Патта-Гиссаром и Термезом и при появлении условного знака забрать разведчиков.

В ночь на 13 января 1899 г. Корнилов и Мулла-Рузы переправились через Амударью на надутых воздухом бурдюках. На той стороне их ждал Худай-Назар с приготовленными лошадьми, и в ту же ночь они выехали, обходя афганские пограничные разъезды, в сторону города Балх. Расчёт на рамадан оказался верным: путников на дороге почти не встречалось, и капитан мог беспрепятственно делать кроки местности, фиксировать расположение колодцев и качество дороги на разных её участках на предмет проходимости для конницы, пехоты и артиллерии.

Проведя в сёдлах более 15 часов, к вечеру Корнилов и его спутники прибыли

Амударья.

в Балх. Местным караван-сараям воспользоваться не рискнули, узнав, что там остановились несколько туркменских нукеров, встречаться с которыми «туркмену Корнилову» никакого резона не было. Для ночлега выбрали одну из пустых лавок базара. Однако эта предосторожность кое-кому показалась подозрительной и едва не обернулась для разведчика неприятностями. Из караван-сарая, явно по их душе, пришёл вооружённый револьвером человек, который, по словам Корнилова, всё время вертелся подле них и «приставал с расспросами». Один неверный ответ мог оказаться роковым. Афганцу объяснили, что им надо уже к утру быть в Мазари-Шарифе, а остановку в Балхе сделали, мол, только для того, чтобы совершить здесь вечерний намаз и дать отдых лошадям.

Чтобы избежать дальнейших вопросов, снялись срочно, не успев даже задать корм лошадям, их пришлось кормить на окраине Балха, предварительно хорошенько укрывшись в глубине полузаброшенного фруктового сада. Около часа ночи выступили по направлению к Мазари-Шарифу, но через полторы версты резко повернули на юг, к кишлаку Дейдади.

По дороге Корнилов хотел осмотреть плотину, недавно построенную афганцами в ущелье реки Балх, в том числе и для водоснабжения крепости Дейдади, однако его спутники отговорили капитана от этой затеи, поскольку на мосту находился афганский пост, досматривающий всех проходящих.

К кишлаку Дейдади добрались глубокой ночью 14-го января. Справа от дороги была отчётливо видна тёмная масса – крепость Дейдади, главная цель рекогносцировки. Однако ночью подъехать к ней не решились, поскольку «в гумбезах (казармах. – А.Х.) горели огни, слышались голоса людей и собачий лай». Решено было переждать остаток ночи в кишлаке, у приятеля Худай-Назара, а «утром издали осмотреть крепость и, если окажется возможным, сделать фотографические снимки».

Однако случай вновь заставил разведчиков скорректировать планы. «Ища въезда в кишлак и следуя вдоль дувала, – пишет в отчёте Корнилов, – мы выехали на дорогу из казарм в крепость и близ моста через арык Мазар-Дарью наткнулись на афганца, который остановил нас вопросом: «Что вам нужно?». На ходу сориентировавшись, лазутчики объяснили, что они ищут место, где могли бы совершить «сахар» (утренняя молитва, после которой в месяц мусульманского поста

заговляются на весь световой день – *примеч. Л. Корнилова*).

Суровый афганец сразу же стал приветливым. Он оказался владельцем небольшой лавочки-чайханы, расположенной неподалёку, и предложил «трём туркменам» остановиться у него, обещая за рупию (около 50 копеек – *примеч. Л. Корнилова*) приготовить для них чай и лёгкий завтрак. Предложение хозяина лавочки, отмечается в отчёте, было весьма кстати. Искать ночью дом приятеля Худай-Назара – значило подвергать себя риску новых нежелательных встреч. К тому же это место, по словам Корнилова, было очень удобным для наблюдения: «По южную сторону моста, шагах в 400 от него, находились казармы афганских войск, по другую – приблизительно на таком же расстоянии – крепость Дейдади».

С приближением рассвета движение по мосту заметно оживилось. В рамадан мусульмане встают рано, чтобы успеть позавтракать до рассвета. «Через мост, – пишет Корнилов, – из казарм в крепость и обратно беспрестанно проходили солдаты. Некоторые подсаживались к нам перекинуться несколькими словами и покурить «лим» (род кальяна – *примеч. Л. Корнилова*). Один из проходивших через мост афганских офицеров, оказавшийся *джамадаром* (поручиком. – А. Х.) пехотных частей, расквартированных в Дейдади, неожиданно спросил: «Вы назначены в караул? Отчего не едете на службу?». Не растерявшись, Худай-Назар ответил: «Сейчас едем». Удовлетворённый ответом, офицер направился в крепость. «Очевидно, в этот день, – записывал позже свои соображения Корнилов, – ввиду ухода Джума-ханцев и неприбытия из Акчи двух Туркменских сотен, которые, по имевшимся у меня сведениям, должны были их сменить, караулов и разъездов не было наряжено. Афганский пехотный офицер и солдаты могли этого не знать, и они, по-видимому, приняли нас за нукеров, уже прибывших из Акчи».

Из харчевни выехали всё же не сразу, а пробыли там почти до 8 часов утра. Корнилов объясняет это тем, что «солнце ещё не успело подняться из-за гребня гор, действовать фотографическим аппаратом было нельзя, почему и приходилось, под разными предлогами, оттягивать свой отъезд».

В это время в чайхане снова появился афганский офицер, заходивший ночью, и, увидев всё ту же туркменскую троицу, отчитал их: «Вы ещё не уехали на службу? Убирайтесь отсюда!». «Ослушаться прика-

Переправа на бурдюке.

зания, – пишет Корнилов, – было невозможно. К счастью, в это время выглянуло солнце, я сделал снимок с казарм, и мы поехали к крепости Дейдади». Можно сказать, что этот отчасти забавный эпизод сыграл на руку Корнилову – не в меру рылый афганский пехотный поручик сам отправил разведчиков к их цели.

Подъехав к крепости на расстояние 150–200 метров и начав её объезд по периметру, Корнилов действовал дерзко, почти не скрываясь, тут же, по ходу, заносил в блокнот заметки и зарисовки. Следуя «вдоль восточного, наиболее освещённого фронта» крепости, он вытащил из седельной сумки фотоаппарат и сделал пять снимков крепости. По счастью, его манипуляций с фотоаппаратом не заметили ни со стен крепости, ни из кишлака. Больше того, уходил Корнилов из Дейдади буквально под носом у подхлывших уже к крепости туркменских конных сотен. Сам Корнилов пишет об этом в отчёте сухо и кратко: «Осмотреть западного фронта не удалось, так как со стороны кишлака Тохта подвезжали Туркмены».

Завидев их приближение издали, Корнилов со своими спутниками немедленно развернули лошадей в противоположную сторону. Свою задачу он мог считать выполненной. Теперь оставалось лишь благополучно вернуться.

Обратный путь Корнилов описывает так: «От Тохтапуля мы взяли на Северо-Восток, направляясь на Сылгыртскую дорогу и оставляя вправо, верстах в 3–4, Мазар-и-Шариф... По рассказам всех, кто побывал в Мазар-и-Шарифе, каждого путешественника, прибывшего в город, тотчас же опрашивает полицейский и записывает в особую книгу его имя, место жительства, цель приезда и имена тех лиц, которые могут удостоверить его личность; в случае же неимения таковых, – хозяин дома или караван-сарая, где остановился прибывший, становится поручителем и отвечает за не-

Выезд туркменов из пограничной крепости.

го перед властями. При таких условиях легче было пробраться в Дейдади, чем побывать в Мазар-и-Шарифе...».

К северу от Сылгырта начались тяжёлые пески. «Мы, – пишет Корнилов, – забрались в такие сыпучие барханы, что лошади с трудом передвигали ноги, и мы только к двум часам утра вышли к берегу Амударьи против развалин Термеза, где нас и взяли на лодки охотники 13 батальона [капитана Кастальского]».

Рекогносцировка Л. Г. Корнилова завершилась благополучно и с блестящим результатом. Российский Генштаб получил подлинное сведения, что крепость Дейдади представляет собой серьёзное военно-инженерное сооружение, построенное с учётом европейского фортификационного опыта. В то же время Корнилов, как профессиональный артиллерист, успел отметить и зафиксировал в своём отчёте ряд слабых мест этой крепости.

В последующие пять лет капитан Корнилов постоянно использовался штабом ТуркВО для выполнения различных разведывательных задач на границах Туркестана и в сопредельных с ним странах: в Восточном Туркестане (Кашгарии)¹, Афганистане,² Индии и Персии.

¹ Территория нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В Кашгарии Корнилов провёл в общей сложности около 1,5 лет, результатом чего стала книга «Кашгария, или Восточный Туркестан», изданная в 1901 г.

² Летом того же 1899 г. Корнилов подробно изучал район Кушки, а затем полтора года проработал в Кашгарии, изучая Китайский, или «Восточный» Туркестан.

Персидский гамбит

В 1901 г. свободно владевший персидским языком капитан Корнилов был командирован Генштабом на шесть месяцев в Персию «под видом сотрудника Географического Общества» с целью провести масштабную рекогносцировку в области Систан и других восточных районах Персии, примыкавших к Афганистану, которые были в это время сферой особого интереса англичан в связи с их планами постройки в этом районе стратегически важной Нушки-Систанской дороги.

По донесению российского вице-консула в Мешхеде надворного советника Миллера, англичане прилагали энергичные дипломатические усилия, чтобы воспрепятствовать поездке капитана Корнилова по Хорасану и, особенно, Систану, однако не преуспели в этом. Миллер сообщал даже о якобы готовившейся попытке спровоцировать нападение местных племён на караван Корнилова во время его путешествия по Систану. Однако поездка прошла благополучно. Корниловым было пройдено в общей сложности 3700 вёрст по восточным, пограничным с Афганистаном областям Персии, произведена глазомерная съёмка всего маршрута. В ходе этой военно-научной экспедиции Корнилов первым из европейцев прошёл безводную восточно-персидскую пустыню, которую иранцы называли «Степью отчаяния». После этой командировки имя Корнилова стало известным в научно-географических кругах, причём не только России, но и Европы. Он

был избран действительным членом Русского географического общества.

С 1899 по 1904 г. Корнилов побывал практически во всех граничащих с российским Туркестаном странах. Нередко ему приходилось рисковать жизнью, менять обличье, выдавая себя то за правоверного мусульманина, то за купца, то за учёного. Подготовленные им для штаба округа и Генерального штаба военно-статистические отчёты и обзоры отличались академической тщательностью. Материалы, собранные Корниловым за время службы в Туркестане, были впоследствии обобщены в его военно-научном труде «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестаном», который, помимо его военного значения, стал серьёзным вкладом в географию и этнографию этого региона.

Военно-дипломатические рокировки

С началом русско-японской войны подполковник Корнилов попросил направить его в действующую армию, в Манчжурию, где был назначен начальником штаба 1-й стрелковой бригады. В ходе сражения под Мукденом, проявив личную инициативу, он вывел из окружения три полка, за что был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени.

Вновь проявить свои способности разведчика, но уже облечённого дипломатическим статусом, Л. Г. Корнилов получил возможность в 1907–1910 гг., когда он

был назначен на должность русского военного агента (так называлась тогда должность военного атташе. – А. Х.) в Пекине. В этом качестве он совершил несколько поездок по северо-западным районам Китая и Внутренней Монголии, а также оказывал помощь нашим военным разведчикам, действовавшим, как ранее он сам, под видом путешественников или торговцев. В их числе был небезызвестный Карл Густав Маннергейм, совершивший в 1907–1908 гг. по заданию Генштаба продолжительную поездку по Восточному Туркестану, Западному Тибету и районам центрального Китая. Среди хороших знакомых Лавра Корнилова следует отметить и способного, но мало кому известного тогда молодого офицера Чан Кайши, будущего президента Китайской Республики.

По окончании командировки в Китай, Корнилов короткое время служил в Варшавском военном округе, а затем вновь оказался на Востоке, получив назначение в Заамурский корпус пограничной стражи.

С началом Первой мировой войны генерал-майор Корнилов откомандировывался в действующую армию и назначается командиром 3-й бригады 49-й пехотной дивизии 8-ой армии Юго-Западного фронта. Едва ли тогда он мог представить, что закончит войну верховным главнокомандующим русской армии, что его ждёт громкая слава и скорая смерть. Впрочем, здесь самое время прервать наш рассказ, поскольку это уже иная эпоха и иная история.

Лагерь русской армии в Закаспийской области.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книги: Moser H. A travers l'Asie Centrale. Paris, 6.г. PГБ: W 310/32.